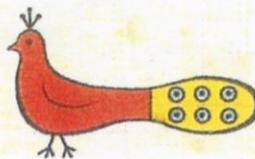
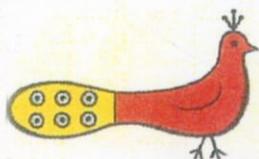
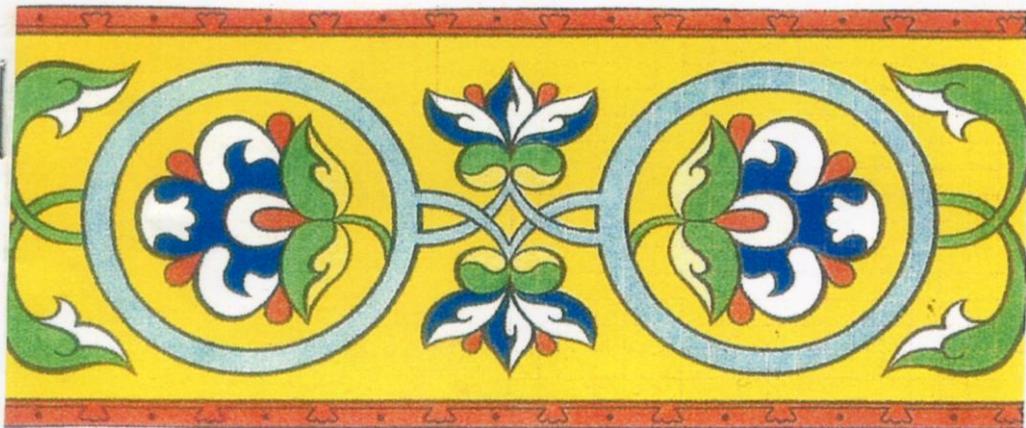

А. Борис Сорокин

... И другие стихи

12

* * *

Всё реже у нас катастроф именины.
Слой легче ложится на слой забытья.
Как резки и молоды были морщины,
Уже не припомнить за гримом. Ничья
Не выхлещет кровь суицидной развязки.
Ей в тон молодит макияж мертвеца.
Опомнишься: – Стой, я узнал тебя, маска!
И поздно. Присохла, не сдёрнешь с лица.

* * *

Представится: цветок в горшке
От полуночи в одном верхке
Из неоткрытого окна
В его обычный плен глядящей.
Не здесь, а бликом фар скользящим
Вдоль джунглей, выхвачен из чащи,
Нагим позировать со сна.

Но так оно и есть! Загрёшь
От вмиг настигнувшей догадки.
И в листьях обмелевши, дрожь
Крадётся в занавеса складки –
Уже с тобой играют в прятки,
Пока ты представленья ждёшь.

Слепой

(нечаянная встреча)

Словно зорких лучей невесомая стая,
Чуть порхнёт у лица, свой этюд подбирая
На невидимых клавишах – черт моих слепок,
Диагностика пальцев, чувствительней света.

До сих пор не пойму: что стоял над душою
Над моей дикой дурочкой, глухонемою.
Не способной под лаской целительной даже
Светомузыки этой услышать пассажи?

Может быть и меня уговаривал тоже
Перенять ремесло у калик переходящих,
Для поверхностной тьмы так удачно
ослепших,
Так пронзительно в жизни глубины
прозревших.

Её бескровная охота
Не может хищною не быть.
Она и в эмпиреях звука,
Как будто утоливши страсть
Псалтирью ставшая из лука –
Ещё охотничья снасть.

А, впрочем, вряд ли ошибётся
Природы точный оселок:
Какой охотник попадётся
В её расставленный силок.
Чтоб сгинуть мог в чащобах неба,
На лов земле себя отдать,
И речью вымахнув из склепа,
Не только вкус вина и хлеба
Он мог бы взяться передать.

* * *

Славочке Улитину
в память об одном
разговоре

Венчает сполох Иван-чая
Пожарища и пепелища –
Быстрой могилы зарастает
В предместье бывшее жилище.

Дружной горит потехи кочета
Пунцовой масти, не скудея,
Не обжигая, – весь воочию –
Огня, Платонова идея.

Мальчишкой так, дичась от робости,
Следят, запоминая жадно,
Чужого ремесла подробностей
Недосягаемую складность.

Чтоб выносить, как плод, и выпестовать,
И передав всевластью слова,
Для ухищрений мысли выкрасть
Сноровку рук мастерового.

Паганини в Париже

(где играет на кладбищах и даже принимает грошовое подаяние)

В Париже холера.

На кладбищах людных под факельным чадом не раз прозвучит «мизерере».

И где же уместней ещё, и когда своевременней нудить осипшим распевом

До нас умалиться, до наших ничтожеств в несчастьях, до слёз, до могильного зева.

Но скрипка неслыханных сборов, триумфов, блестящих салонов и вилл

Тузов, что забыла, что ищет здесь неженка Рая,

Играя у свежих могил,

И у плакальщиц хлеб отбирая?

На место рожденья спешит, в происхождение вперить

Смычка уличающий перст,

Как иудеи – на перепись, рыба – на нерест?

Где лучше ей случай представится, чтобы суметь

Не у сокровищниц храмовых, так у разлагающегося мира останков

Увидеть, что эта, в ладонях зажатая вдовия медь

И вправду – Корван, и куда полновеснее франков.

Книга Иова

Не только ближняя у склонов степь цвела,
Далёко иудейская пчела
Не раз плутала в поисках нектара.
Не говорите, что цветы чужбин
С лугов высокогорных и долин
Она когда-то обирала даром.

Вот вам цветок земли Авситидат –
Обличьем чужд и странен аромат.
Сорвать захочешь и отдёрнешь руку.
Когда-то приживутся семена,
И вряд ли сохранятся имена,
В другом наречьи став привычной слуху,

На равных чтоб войти в Библейский свод.
Горчит, конечно, чужеземный мёд,
Но в горечи такой – какая сладость!
Глядись, глядись, как в зеркало вникай,
В свой новый облик, в обречённых Рай,
Бездомностей припрятанную радость.

Он до сих пор ещё не узнаёт
Себя? И то сказать: какой народ
У мутных вод сновидческих скитаний,
Шеола смол играет и поёт,

Как на земле всех сбывшихся желаний?

Я долго жил и странствовал... И что ж,
Я тоже пришлым чужеземцем вхож
В Святой Давир, принять, как новый жребий:
За непомерный дар благодарить,
С тобой, как прежде горький мёд делить
Моей судьбы белоголовый ребе.

Давно я тоже знаю старика
К смычку не прикасавшемся, пока
Он снова приглашенье не получит
У крови ли, от Неба ли, как знать,
У края верной гибели сыграть,
И только так он свой восторг озвучит.

* * *

Свяжись с бессонницей – безжалостной
тиранкой!

Ей честно вывернув карманы наизнанку,
Весь отработав барщины урок
Ещё и платы не добьёшься в срок.

Тележки мусорщика ждать ещё придётся,
Что процарапает, каким скребком пройдёт
По безоружному сознанию она,
По нежной завязи предутреннего сна.

Старьёвщик

Пожалуй верно: он из тех времён,
Где быть старьёвщиком заезжим мог бы он,
Бродячим пильщиком, точильщиком ножей,
Под окнами кричать: – Углей, углей!

Но буди даже кто-нибудь им рад,
За ними зоркий должен быть пригляд –
Цыганом вёртким лошадь украдёт,
Корову со двора, того гляди, сведёт.
А вот ещё, и слух в народе ходит:
Под дудочку детей невесть куда уводит.
Да мало ли каких ещё дождёшься бед –
Он пришлый человек, ему доверья нет.
А пусть хоть и слепцом гнусит свою псалтирь,
Будь каждый при своём, чтоб не шатался мир.

Что возразить? – Как лицедей Нерон
Он действием огненным бывал заморожен.
Знать не желая, словно в сердце пусто,
Душа безнравственна, пожара душегубство.
А дети? Им достанет из корзинки,
Как тот старьёвщик, мячик на резинке.
Искусный совратитель душ, умея
Их пристрастить к рискованной затее:
Играть с добычей – Божьим Миром как огонь,
Как кошка с мышью: из ладони и в ладонь.

Панегирик

«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

*«Лучина»
М.Цветаева*

Повинна? А всё ж не по чину
Тупой замарашкой глядишь.
Лучина моя, лучина
Что не ярко горишь!

Довольства, надёжного хлеба
Не ищет шальная страна.
Над ней юбилейного Неба
Непаханая целина.

России-Обломовке жницей бы
С снопом неохватным в руках,
Но зыблется взгляд роженицы
В весенних её облаках.

И ей бы начинкой из стружки
Подвох в каждой тайне найти,
С искромсанной первой игрушкой,
Как Каин, из детства уйти.

За Штольцем, «никто избавленья»
Тогда уж нам точно не даст
В невылазной прозы прозреньи,
В нагом естестве без прикрас.

Не с чувств воспареньем лукавить,
Нам чуждой вселенной начать
Рабочей упряжкой править,
Костяшками выгод стучать.

Но чьим милосердьем, не знаю,
Младенцем ещё нагишом
Заботам она волчьей стаи
Оставлена в мире большом.

* * *

С прошедшим вровень никому не встать –
Закон измерен и ушла блудница.
Оставленные знаки прочитать
Лишь тянется на цыпочках зарница.

Или оно, обшарив горизонт,
С собой ещё не раз перемигнётся.
На смутный шелест, как условный зов,
Набухшей тучей грозовой вернётся.

И что набрасывал Спаситель на песке –
Развеянный итог тщеты вчерашней,
Дочертит молния на аспидной доске
Кромешной мглы уроков жизни нашей
страшной.

* * *

Затих переводчик поры без границ
Молчанья на пение утренних птиц.
Чуть стал ему ночи
Совиный язык
Своим. Уж – короче
Её черновик.

А ранняя птица, что знает она
О чём умолчала ещё тишина?

Следи же, пытая занявшийся день:
С утра убывая, куда исчезает
Столба, колокольни и ясеня тень?

г. Д. Сорокин

... и другие стихи.

—

Всё реже у нас катастроф сделаны!
Слов' легче ложится на слов' забытыя.

Как резки и молоды были морщины,
Уже не припомнить за гримом, ни уся

Не выхлещут кровь суицидной развязки,
Ей в том молодот макияж мертвеца.

Опомнись! — стов, я узнала тебя маска! —
И поздно, присохла, не сдержала с лица.

1
Кебя-то кто, каким уловом
За гридником и рыболовом,
Охотником невеста куда,

В ловушки хитрые - лова,
В свои кудлатые пуга

За миражом добычи енаётся,
Таится, вязнёт, оступается

На срок у срок сманил стодя?
(В бесрачьи)

Но также, как у тех ищущих
Берёт по первому следу,

Его терять... кружит... ей-то

Промысленик или лют —
Какая разница, чтоб енаётся

За миражом добычи, красится заней,
Лицом к лицу, столкнувшись с ней,

Не раз случалось обознаться,
Но поиск свой клонить к концу,
Она, как шар стремиться в пугу,
Уже не может перестать.

Хотите назовите Музой,
Но вончей у заставшей стать.

Омьтё найдёт... кружит... что-то
Почти обречена добыть.

Её бескровная охота
Не может хищного не быть.

Она и в эмпиреях звужа,
Как-будто утоливши страсть,

Псалтырью ставшая излучка, —
Ещё охотничья снасть.

Словачке таїї
в пам'яті об одній
разговоре.

Венчаєт столох зван-тот
Пакаршца и пепелшца -
Бисірей могили зарясіаєт
В предмеіає бывшеє жыаццє,
Дружней горіі потєхи котєіа
Пунцової масіа, не охудєя,
Не оджизая, - весь вочно -
Оєня Платонова идея.

Мальчишкой так, дичась от радости,
спєдят, займучая жадно,
Ужого ремєса подробности
Недосязоємую складности.

Утоб выносить, как тоб, и вытєстоватє,
И переаєт всевластєю слова,
Для ухищрєний мєсаи выкрасєт
Сноровку рук мастєророго.

^{псахелевеня} ^{тборчестя}
Свяжися с бессоницею - безжалостной тиранкой!
Её часам звернуть кармане наизнанку,
Всё, оградить барщину урек
Ещё и таты не доблещя в фок.

Тележки мусорщика ждай еще придется,
Что процарапает, таким средством придется
По безоружному сознанию она,
По нежной заезжи предутреннего сна.

Старьевщик

Пожалуй верно: он из тех времен,
Тво быль старьевщиком заезжим мог бы он,
Бродячим плащиком, точилщиком ножей,
Под окнами кричал: "Гелеси, уелеси!"

Но даже если кто-нибудь им рад,
За ним зоркий должен быть пригляд -
Царемной верткой асладь украдеи,
Королю собора, того взгляда, сведет,
А вот еще и слух в народе ходит:
Под дубочку деси Нелеси куда уведит.
Да мало ли каких еще дождейся бед -
Он прищавил человек, ему доверья нет.
А пуси хой и слепцов гнусии своего псалтурь,
Будь каждый при своей, чтоб не шаталися мир.

Что возразишь? - как пиведеси Нерон
Он действом сененным дельан залорожен,
Знаис не желая, словно в сердце пуси,
Душа безправственица, похата душегубство.

Дорогой Сергей Юрьевич в день твоего рождения

Россия моя, Россия
Зачем так грустно звучит
М. Цветаева

Повышка? И даже не почтуй
Твоей замарашкой глядишь,
"Лучина моя, лучина,!"
Что не грустно звучит,
Вовосыба, надежного хлеба
Не швей шальная страна —
Над ней робитесного Неба
Немазанная цепляя
Россия, обломки Книжки бы
С атак неохватных в руках
Но зыблется взгляд роженца
В весенних ее облаках
И са бы начинкой из сиружки
Подвох в каждой точке Наси,
С изобретением первой чашечкой,
Как как из детства уаи

За шлободу, чыкно пазбавлена
Тогда уж нам точно не даё
В невыразной прозе прозрения,
В насом естестве без прикрас

Не с чувств востарасем шкавы,
Нам судьбой везеньня маяк
Работы фружкою правды,
Небяшкыма выедо с'увай.

Но чым апаасецьдзем не жаро,
Упаденнем ешэ нагшом
Заботам ога болысой стад
Ветаблента в даре болышом.

Б. С.

А, впрочем, вряд ли ошлётся
 Природы точный осленок ;
 Какой охотник попадётся
 В её расставленный силок :
 Чтоб селится мог в чащобах Неба,
 На лов злате себя отдать,
 Уречью выманив из склепа,
 Не только вкус вина и хлеба
 Он мог бы взяться передать.